

Онора О'Нил

Практические принципы и практическое суждение¹

Вокруг этических принципов в биоэтике и в философии уже давно ведутся споры. Отчасти именно в ходе философских обсуждений данной темы и создается фундамент биоэтики. Те авторы, для которых существенное значение в этическом рассуждении и в принятии решений имеют принципы, выдвигают и обосновывают различные этические принципы в качестве основополагающих. Наиболее известным, основанным на принципах подходом в биоэтике остается подход Тома Бичампа и Джеймса Чилдресса². Как они полагают, биоэтическое рассуждение должно быть сосредоточено на четырех принципах — благодеяния, невреждения, автономии и справедливости. В литературе для обозначения данного и подобных ему подходов иногда пользуются неблагозвучным неологизмом «принципизм» («principlism»). О достоинствах и недостатках каждого из этих конкретных принципов и возможных подходах к их интерпретации могло быть и было написано достаточно. Также много слов могло быть и было сказано и о других принципах биоэтики, таких как принцип пользы, разнообразные принципы справедливости и о многих частных принципах — таких, на которые указывают словосочетания «репродуктивная автономия» или «принцип предосторожности». Тем не менее обсуждение частных принципов, которые могут иметь значение для биоэтики, или шире — для этики вообще, я предоставляю другим, с тем чтобы рассмотреть здесь более фундаментальный вопрос: являются ли принципы по самому своему существу (как подозревают некоторые) неадекватными и подозрительными, с

моральной точки зрения, или же (как думают другие) они составляют существенный компонент этического рассуждения и обдумывания.

Оппоненты принципизма указывают на то, что абсолютизация принципов либо неправомерна, с формальной точки зрения, либо неуместна, с этической точки зрения, либо же они указывают на то и другое одновременно. При таком подходе признается, что этическое рассуждение и принятие решения должны основываться на примерах, на ситуативном анализе, на конкретных ситуациях, отношениях, практиках, нормах или они должны быть восприимчивыми к этому. В любом случае этическое рассуждение и принятие решений должны основываться на чем-то менее абстрактном, нежели принципы. Оппоненты принципизма могут утверждать, что практические принципы (не говоря о правилах) развращают, подавляют или что они даже являются иллюзорными и, с этической точки зрения, *a fortiori*³ ведут к моральному крушению. Зачастую оппоненты принципизма полагают, что этический интерес должен быть направлен на добродетели и социальность, на заботу и обязательства, на другие бесспорные ценности, и утверждают, что все это невозможно адекватно определить или зафиксировать с помощью принципов и правил⁴.

Те, кто возражает против принципов, указывая, что в принципах и просматривающихся за ними этических позициях имеются недостатки формального характера, развивают две линии аргументации. На их взгляд, принципы могут оказаться настолько абстрактными и неопределенными, что уже не будут иметь к поведению никакого отношения. Если же они не являются неопределенными, а, напротив, предлагают эффективную процедуру или алгоритм для управления действием, их предписание в существенно различных, с этической точки зрения, ситуациях будут неизбежно единообразными и не восприимчивыми к морально значимым различиям⁵. Эта двусторонняя критика давно известна в этике: в своих самых существенных чертах она воспроизводит упреки кантовской, явно основанной на принципах, этике в избыточном формализме и избыточном ригоризме. Поразительно, что порой эти взаимоисключающие виды критики этических принципов оказываются совмещенными. Однако совершенно очевидно, что принцип, который является слишком бессодержательным, чтобы управлять действием, не будет достаточно определенным для того, чтобы свести действия к

абсолютному единообразию, и наоборот. В лучшем случае два вида критики можно проводить последовательно. Тогда защитников принципов, с точки зрения их оппонентов, можно уподобить тем, кто попадает из огня в полымя, то есть избегая одной беды, попадает в другую.

Исследователи, усматривающие в принципах недостатки этического характера, обычно выводят их из вышеназванных формальных трудностей. Они считают, что принципы (будучи неопределенными) не могут реально помочь нам решить, что делать или, напротив, что принципы (будучи алгоритмами) могли бы помочь нам решить что делать, но за счет соблюдения косного и морально сомнительного единообразия реакций в различных ситуациях. Они полагают, что вместо принципов мы должны сосредоточиться на специфике конкретных ситуаций, на ситуативном анализе, на конкретных примерах и образцах, на действительных сложностях конкретной ситуации. Единой характеристики для обозначения позиции оппонентов, основанной на принципах этики, не существует. К ним можно отнести тех, кто считает себя «партикуляристами» и настаивает на том, что сфера этических суждений — это восприятие, интуиция или оценка значимых аспектов частного случая, или «конкретных ситуаций». К ним можно отнести и тех, кто в своей позиции апеллирует к определенному содержанию специфических культурных традиций. Здесь я буду использовать другой неблагозвучный (и более давний) неологизм, который время от времени принимали оппоненты этики принципов, и буду называть их «ситуативистами». В «ситуативизме», в том значении, в каком я буду употреблять этот термин в данной статье, высоко ценятся конкретность, или специфичность случаев, содержательные и культурно значимые описания, посредством которых мы выявляем существенные этические особенности этих случаев. Сторонники «ситуативизма» могут даже настаивать на том, что этическое суждение нацелено исключительно на конкретные случаи⁶. Восприимчивость к этически значимым различиям может поддерживаться лишь при условии внимания к тому, что является в каждом отдельном случае специфичным и конкретным (часто эти термины употребляются так, как будто они являются синонимами), то есть к тому, что неизбежно упускается из вида при сосредоточенности на принципах.

Разновидности практического принципа

Для того чтобы сформулировать идеи, полезно в самом общем виде выявить характеристики тех принципов, которые в биоэтике считаются либо необходимыми, либо деструктивными. Очевидно, что биоэтика не связана непосредственно с принципами логики, с математическими принципами или с принципами фармакологии: она не касается ни формальных, ни теоретических принципов. В самом общем виде мы можем сказать, что принципы биоэтики считаются *практическими принципами*, то есть такими, опираясь на которые по крайней мере иногда можно ответить на вопрос, как нам жить или как обустроить некоторые стороны нашей жизни. Практические принципы предназначены агентам.

Практические принципы могут быть различными, и не все из них можно отнести к этическим. Книги о принципах акушерства или о принципах корпоративной финансовой деятельности, о принципах технического обслуживания оборудования — это книги о применении практических принципов и они могут оказаться очень полезными в соответствующих областях. Но для того, чтобы понять, что именно делает практический принцип этическим, потребуется гораздо больше прояснений. Я не берусь за это, поскольку мой подход к этическим принципам определяется принципиальным признанием того факта, что этические принципы являются практическими и поэтому должны быть пригодными к выполнению тех задач, которые изо дня в день решаются на основании самых разных практических принципов. Я полагаю, что анализ того, какие проблемы решаются благодаря практическим принципам в целом, даст нам реальную возможность понять, является ли принципизм необходимым для биоэтики или разрушительным для нее.

Практические принципы всех видов имеют три особенности. Во-первых, все они содержат *описания действия* в широком смысле слова — как описание эмоциональных реакций и установок. Такие описания могут различаться от предельно конкретных до предельно абстрактных. Практические принципы, которые содержат предельно конкретные описания действия включают следующие: «улыбайся, что бы ни случилось»; «прежде чем выйти из дома удостоверься, что аптечка заперта на замок»; «регистрируй состояние новорожденного по шкале APGAR»⁷. Практические принципы, которые содержат предельно абстрактные

описания действия, включают следующие: «никому не вреди»; «имей в виду конечный результат»; «посмотри, прежде чем прыгнуть»⁸ (не в буквальном значении); «будь спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг»⁹.

Во-вторых, в практических принципах не просто формулируются описания действия. Принципы выражают также *позицию*, или *установку* в отношении действия, которое соответствует содержащемуся в них описанию. Многие принципы предписывают или запрещают, в сущности устанавливая определенные требования; другие рекомендуют или предостерегают, но требований не устанавливают. Принципы, в которых формулируются требования (запреты, обязанности, разрешения, исключения и т.п.), вполне естественно можно считать правилами; а принципы, в которых формулируются рекомендации (включая предостережения, предложения по правильной тактике или правильной деятельности), правилами считать нельзя. И правила, и рекомендации можно по разным основаниям классифицировать как этические или правовые, пруденциальные или социальные, технические или профессиональные и, несомненно, еще по множеству других оснований. Практические принципы, имеющие этическое содержание, следовательно, *prima facie*¹⁰ будут включать как те, которые рекомендуют добродетели и достоинства и предостерегают против пороков и недостатков, так и те, которые накладывают ограничения и устанавливают обязанности и права. (Так что нет никакого существенного основания считать, что этические принципы должны относиться только к долгу и исключать добродетель или наоборот.)

В-третьих, практические принципы обычно определяют или предполагают некий *круг агентов*, для которых они имеют силу. Некоторые практические принципы формулируются как универсальные, имеющие силу для всех агентов. Другие — для ограниченного круга агентов и адресуются именно им, например, врачам или фармацевтам, родителям или пациентам. Часто круг агентов, которым адресован принцип, достаточно неопределен. Хорошо известные принципы, такие, как «проявляй должную заботу и внимательность»; «не применяй чрезмерную силу»; «возлюби ближнего своего»; «всего в меру», не содержат однозначного указания на то, что они адресованы всем. Напротив, другие практические принципы включают четкие описания агентов: «родители ответственны за безопасность детей в бассейне»; «путешественникам в Юго-Восточную Азию рекомендуется сделать противомаларийную прививку»; «медсестры не могут оставлять суицидальных пациентов без присмотра».

Практические принципы, которые формулируют требования, то есть правила, содержат соединяющую их друг с другом деонтическую структуру. На первый взгляд это неочевидно. В некоторых правилах употребляются явные деонтические понятия («должен», «можешь», «следует»), другие же имеют форму императивов, дающих представление о содержании требования: «не убий»; «рассматривай дела в порядке поступления»; «в первую очередь займись лечением самого тяжелого больного». Правила могут быть систематически связаны двумя способами. Во-первых, систематически связаны права и обязанности, разрешения и запрещения, относящиеся к одному индивиду: например, агенту, от которого требуется совершение некоторого действия (будь оно этическим, правовым, социальным, пруденциальным и т.д.), также будет разрешено совершить это действие и запрещено не совершать его. Во-вторых, систематически связанными могут быть права и обязанности, разрешения и запреты, относящиеся к двум или более агентам: агенту *A* может быть предоставлено право совершить или не совершить действие агента *B*, только если *B* обязан совершить это действие или воздержаться от его совершения.

Практические принципы, содержащие рекомендации, не связаны таким систематическим образом. Они могут предостерегать или советовать, указывать на то, что было бы хорошо или плохо, эффективно или рискованно, достойно или сомнительно совершать, или могут указывать на то, чему было бы хорошо или плохо и т.д. придавать некую значимость в жизни. Как относительно специальные рекомендации — «регулярно выполняйте упражнения», специальные предостережения — «курение опасно для здоровья», так и менее специальные рекомендации «не теряй голову» или «поддерживай своих коллег», а также предостережения сторониться сплетен, не искушать судьбу формулируются в открытом виде, как совет или предостережение всему миру. Другие рекомендации или предостережения могут быть адресованы разным особым группам индивидов. Но ни в одном случае рекомендации и предостережения не связаны друг с другом какими-либо систематическими деонтическими отношениями, подобно принципам, выражающим требования.

Абстрактность, алгоритмы и восприимчивость к различиям

Одно постоянно воспроизводимое возражение против принципизма в целом, а тем самым и против этических принципов в частности, сразу же утрачивает силу, как только мы примем во внимание все многообразие практических принципов. Практические принципы, и этические в том числе, не могут требовать, а следовательно, и не требуют единообразных действий; точнее, практические правила, включая этические правила, не могут требовать и, следовательно, не требуют единообразных действий. Поскольку описания действия, содержащиеся в практических принципах, всегда неопределенны, они не должны определять действие тех людей, которые принимают их. Даже если принципы или правила проработаны и учитывают подробности и нюансы, их неопределенность неустранима и всегда служит препятствием для полной детализации предписания.

Это утверждение станет абсолютно ясным благодаря простым примерам. Даже достаточно частные принципы, такие, как «принимайте две таблетки до еды или не принимайте ничего через рот», ограничивают, но не вводят строгой детальной регламентации. Здесь не предписывается ни то, где следует принимать таблетки, ни то, из чего должна состоять пища; ничего не говорится о действиях пациента или о том, как следует обходиться с пациентом, которому ничего нельзя принимать через рот. Опасения, что практические принципы и в особенности правила должны строго регламентировать жизнь признающих их людей, просто неуместны. Правила, которые могли бы строго регламентировать жизнь, должны представлять собой алгоритмы, предписывающие детально описанное действие безотносительно к ситуации. И все же образ жесткого алгоритма, правила, не допускающего никакой свободы действия, неправомерен. Квази-алгоритмы, которые мы можем обнаружить в действиях людей, обычно применяются только к крайне незначительным аспектам жизни. Почтовая служба может устанавливать фиксированную минимальную цену на марки для писем определенного веса и конкретного назначения. Почтовые правила с очевидностью предполагают определенные ограничения при оформлении конвертов, но даже они не регламентируют способ наклеивания марок, не говоря уже о том, как опускать письма в почтовый ящик, что должно быть в письмах, и тем более как нам жить¹¹.

Как бы там ни было, те этические принципы, которым уделяется самое большое внимания, даже отдаленно не напоминают почтовые правила, и даже квази-алгоритмами они не являются. Напротив, наиболее значимые этические принципы скорее достаточно неопределенны, нежели квази-алгоритмичны. Они могут ограничивать действия, но строго их не регламентируют. Они скорее рекомендуют типы действия, линию поведения и установку, нежели предлагают детальную инструкцию, как жить. Предположение о том, что принципы в значительной степени требуют единообразия, постоянно и не только в последние годы подвергается критике. Аристотель при формулировке принципа: «добродетель есть середина», указывал, что данный принцип нельзя понимать арифметически, или как бы мы сказали сегодня — алгоритмически. Так, мы должны понимать, что не существует одинаково правильного для всех людей количества пищи: то, что является правильным для борца Милона будет избыточным для другого человека¹². Аналогичному уточнению подвергаются практические принципы всех видов: прописываемые лекарства должны соответствовать заболеванию и весу пациента; при финансовом планировании следует учитывать жизненные обстоятельства и доход человека; уголовные санкции должны быть соизмеримы с правонарушением, за которое осужден преступник. Степень единообразия или различия, предписываемая тем или иным сторонам жизни, — это предмет содержательного практического, а когда надо и этического, рассуждения. И хотя для утверждения о том, что тот или иной конкретный принцип, то или иное конкретное правило исключают свободу действия, иногда есть веские причины, возражение общего характера, которое состоит в том, что практические принципы и правила фактически не допускают свободы действия, безосновательно.

Мысль о том, что принципы, включая правила, могут обеспечивать полную управляемость действий, в последние двадцать пять лет была предметом постоянного беспокойства в этике и биоэтике. Это беспокойство и раньше было достаточно распространенным. Я доказала его безосновательность и убеждена в том, что его сможет устранить даже поверхностное внимание к хорошо известным философским дискуссиям о понятиях, правилах и неопределенности (indeterminacy). Давно известно, что понятия и, следовательно, также принципы и правила, в которых эти понятия употребляются, неопределенны и что беспо

лезно стремиться полностью определить их посредством поиска правил для применения правил, который может привести лишь к бесконечному регрессу. В этом вопросе соглашались Кант и Витгенштейн, хотя некоторые современные авторы игнорируют кантовское рассмотрение понятий, правил и принципов и заключают, что в кантианской позиции проявляется некоторая форма этического ригоризма¹³.

Разновидности суждения

Даже если практические принципы (включая правила) никогда не обеспечивают полного управления действием, они все же могут быть признаны причиной другого серьезного недостатка всех форм принципизма. Этот недостаток заключается не в том, что практические правила и принципы стремятся к чрезмерной детерминации действия и как следствие оказываются невосприимчивыми к различиям, а, напротив, в том, что они чрезмерно абстрактны и, следовательно, не способны управлять действием. Краткий классический ответ на это возражение состоит в следующем: вполне очевидно, что (будучи неизменно неопределенными) принципы и правила не могут управлять действием в полной мере и хорошо известно, что они должны быть дополнены суждением. Оппоненты принципизма с одобрением встретят такое «допущение», но многие из них пойдут дальше и станут утверждать, что все это лишь свидетельствует о бессмысленности принципов, поскольку суждение не просто дополняет принципы, но и может вытеснить их.

Сторонники данного утверждения в сущности предполагают, что этическое рассуждение вполне может опираться на одно только суждение, что это имеет место в действительности и, вероятно, так и должно быть. Бремя доказательства этого сильного утверждения ложится на плечи сторонников различных версий ситуативизма. Если принять во внимание их мнение о том, что суждение может управлять действием без помощи принципов, в общем несложно понять, почему они возражают против принципизма. Однако в их объяснениях достаточно трудно обнаружить четкие характеристики суждения, с помощью которых можно судить о том, что одного суждения достаточно, чтобы полностью решить задачу взвешивания и принятия морального решения.

И сторонники принципизма, и сторонники ситуативизма признают неизбежность разрыва между практическими принципами (с необходимостью неопределенными), которые могут потребовать или рекомендовать лишь совершение некоторого *мина* действия, и конкретным уже совершенным действием, которое может соответствовать требованию или рекомендации, а может и не соответствовать им. Разногласие же начинается с попытки понять смысл утверждения о том, что данный разрыв должен быть «заполнен суждением». Каким образом в суждение можно включить конкретное или как можно перейти в суждении к конкретному? В чем состоит процесс рассуждения? Как мы можем осуществлять его? В этике и биоэтике нам необходимо понять *практическое суждение* — суждение, которое по меньшей мере отчасти управляет действием. Удивительно, однако, то, что большая часть работ оппонентов принципизма, посвященная этическому суждению, вообще не касается практического суждения. Они пишут о способах оценки ситуаций, о способах суждения о ситуациях, в которых будет совершено действие; они скорее судят о наличных ситуациях, нежели о будущем действии.

Существует два типа суждения, которые могут относиться к наличным ситуациям или действиям, и ни один из них не является формой практического суждения. В первом типе не-практического суждения мы задаемся вопросом, соответствует ли конкретный случай некоторому установленному понятию, принципу или правилу: Был ли он проявлением профессиональной халатности? Был ли он случаем плохого обращения с ребенком? Было ли согласие на тот или иной тип медицинского вмешательства свободным? Вынесение решения здесь не содержит оттенка случайности. Поскольку в этих примерах мы предполагаем, во-первых, что ситуация — действие и его контекст — наличествует, и нам остается лишь оценить их, во-вторых, что существуют признанные стандарты, в соответствии с которыми следует судить о действии и о контексте. Суждение, которое используют для определения того, соответствует ли наличный случай данному описанию, можно назвать любым из кантовских терминов: «подводящее суждение» («*subsumptive judgment*») или «определяющее суждение» («*determinant judgment*»)¹⁴.

Объектом второго типа не-практического суждения также являются наличные ситуации или действия, но с той разницей, что соответствующие понятия или стандарты (правила, принципы) в данной ситуации отсутствуют. Кант обсуждает этот тип

открытого суждения и называет его «рефлектирующей способностью суждения». В случае рефлектирующего суждения мы можем спросить, например, «какой тип лечения применялся в данном случае?»; «как мы должны описать установку медицинских исследователей, которые рассматривают свои предметы таким-то и таким-то способом?»; «Как мы должны охарактеризовать психическое состояние этого пациента?» Рефлектирующее суждение о ситуациях — о действиях и их контекстах — играет огромную роль в тех работах по биоэтике, которые ориентированы на анализ конкретных случаев.

Однако ни определяющее, ни рефлектирующее суждение не являются формами практического суждения. И то, и другое предполагают, что анализируемый случай уже наличествует, в то время как практическое суждение по определению направлено на действие, которое еще не было совершено. Следовательно, практическое суждение не может быть направлено на частности: в конце концов главное в том, чтобы решить, что делать. Этот вопрос решается *в преддверии действия* и состоит он совсем не в том, чтобы понять и оценить конкретное действие, которое уже было совершено. Следовательно, практическое суждение не является ни подводящим, ни рефлектирующим. Оно стремится к конкретности, но для того, чтобы сформировать действие, и совершенно очевидно, что в суждении невозможно зафиксировать частные характеристики действия до того, как оно будет совершено¹⁵.

Тем не менее многие ситуативисты рассматривают этическое суждение как некоторую версию рефлектирующего суждения. Наиболее распространенными являются две достаточно разные версии данной позиции. Некоторые авторы (многие из которых являются этическими партикуляристами) придерживаются более или менее перцепционалистского, или интуитивистского, представления об этическом суждении и рассматривают его, по меньшей мере отчасти, по аналогии с понятием рефлектирующей способности суждения Канта (когда дано особенное и задача состоит в поиске соответствующего «общего», или вида). Эту задачу они представляют по-разному: как проблему интуиции, восприятия, понимания или оценки значимых, в том числе любых этически значимых, характеристик наличных конкретных ситуаций¹⁶. Мысль о том, что в этических суждениях проявляется способность суждения о конкретных случаях, чревата следующими сложностями. Во-первых, партикулярист изображает способности суждения как квази-перцептивные при том,

что между этическим и перцептивным суждением существует много различий, особенно если в суждении преодолевается разногласие. Во-вторых, что ведет к еще большей путанице, при уподоблении практического суждения перцептивному, по-видимому, упускают тот факт, что практическое суждение направлено на формирование конкретного действия или установки, и не сводится к реакции на совершенное действие или готовую установку. Такое сведение было бы равносильно игнорированию сущностной черты этического суждения в угоду интересу к «видению» ситуации, предшествующей действию, или к ее «прочитыванию». Как ни важно воспринимать или прочитывать контекст, в котором совершают правильные действия, для решения вопроса о том, что следует делать, этого недостаточно. Для управления действием одного утонченного морального понимания недостаточно.

Во второй интерпретации способности суждения, не предполагающей обращения к принципам, опираются не столько на представления о восприятии или об интуиции, сколько на представления о культурных нормах, традициях или об образцовых личностях. С этой точки зрения суждение формируется по образцу прецедентов вынесения правильного суждения в рамках определенной сферы жизни или традиции. В таком случае этические суждения сверяют с суждениями святых и героев или с учениями таких нравственных примеров, как Христос или Будда, точно так же, как правовые решения принимают на основе прецедентов принятия решений хорошими судьями или так же, как технические суждения сверяют с суждениями квалифицированных специалистов по технике или с профессиональными суждениями компетентных профессионалов. К такому объяснению этического суждения склонялись многие коммунитаристы или сторонники этики добродетели¹⁷.

Несомненно, поступки и слова образцовых в нашей традиции личностей могут иметь большое значение для формирования этических суждений и оказывать на него существенное влияние. Но эти образцы действены лишь благодаря тому, что мы можем различить вдохновляющий их принцип. Обращения к примерам, известным по религиозным, традиционным, литературным источникам или по личному опыту, не будут иметь для нас никакого значения, если мы не сможем распознать управляющий ими принцип. Ибо одного указания на суждения или поступки святых и героев всегда недостаточно: если ситуации

различны, простого подражания недостаточно. Скорее мы должны осознать или продемонстрировать релевантность принципа и духа прошлого поступка некоторому с неизбежностью своеобразному конкретному случаю. Понять это опять же помогает практическое суждение, которое не является этическим: нам нетрудно признать, что спортсмен или специалист по технике, судья или какой-либо профессионал о ситуациях судят правильно, и все же нам необходимо сделать некоторое усилие, чтобы уловить, какие именно соображения управляли их действием и каким образом их пример мог бы управлять нашим собственным действием. При переходе от одного известного случая к другому, отличному от него, случаю участники обсуждения должны признать, что определенные аспекты прошлого случая являются значимыми, что эти аспекты должны быть воплощены (если это возможно) в данном случае: коротко говоря, они должны действовать в соответствии с принципами, запечатленными в прошлых случаях. Например, если в качестве образца для собственного действия мы попытаемся использовать притчу о добром самаритянине, нам следует определить ответ на тот самый вопрос, на который в свое время давала ответ притча «Кто является моим ближним?». Простое подражание здесь просто неуместно. Например, если сегодня мы зададимся вопросом о том, как следует заботиться о других или оказывать им помощь, ответ на него мы вряд ли станем искать, принимая за образец неожиданную, без свидетелей встречу в пустыне.

Те ситуативисты, которые рассматривают этическое суждение по аналогии с восприятием или как форму интуиции, занимают в этике позицию наблюдателя и игнорируют потребность в практическом суждении, направленном на формирование действия. Когда ситуативисты впадают этическое суждение в социальный и культурный контексты, нельзя считать, что они непременно совершают ошибку. Но если они утверждают, что обходятся без принципов, их подход оказывается искаженным. На самом деле они всего лишь считают, что морально значимые принципы включают образы действия и нормы определенного общества или определенной культуры. Поэтому если этическое рассуждение и начинается с неопределенных предписаний, то с таких, которые в их интерпретации все же оказываются менее неопределенными, чем принципы, которые предпочитают другие. Такие социальные правила и нормы могут совпадать или нет с правилами и нормами, обычно обосновываемыми в эти

ческих теориях, и в частности — в биоэтике, но тем не менее они являются принципами. Можно ли их считать высшими или более авторитетными по сравнению с теми, которые были предложены Бичампом и Чилдрессом или другими авторами на том основании, что эти принципы социально обусловлены, здесь значения не имеет. Имеет же значение то, что те, кто апеллирует к социально и культурно обусловленным ценностям, должны в действительности прийти к такому пониманию суждения, которое предполагает обращение к принципам.

От принципов к практическому суждению

Думается, что невозможно отказаться от принципов, если только не попытаться установить крайне радикальную форму этического партикуляризма. А это крайне сложная эпистемологическая задача. Многие потенциальные оппоненты принципов занимают позицию, поразительно близкую позиции сторонников принципов. Они согласятся, что в этическом рассуждении используются некоторые не слишком абстрактные принципы, в которых описание действия и агента этого действия всегда неопределенны (хотя они могут не соглашаться относительно необходимой степени неопределенности), и они также должны будут показать, как следует переходить от принципа к действию. Практическое суждение, однако, нельзя вывести из принципа или из принципов, соединенных с определяющим и рефлектирующим суждениями, объект которых составляют определенный контекст, ситуация формирования действия или необходимые установки. Неопределенность принципов служит гарантией невозможности выведения конкретного действия из принципа.

И все же практическое суждение должно быть направлено на формирование действия. При формировании действия ключевым является тот факт, что определенные принципы создают исходную позицию для суждения. Врач, принимающая принцип, согласно которому, нельзя предпринимать никаких лечебных действий без информированного согласия пациентов, признает, что этот принцип исключает множество возможных способов действия и тем самым в некоторой степени формирует ее действие. Пациент, обязанный следовать прописанному курсу лечения, также признает, что некоторые образы жизни для него исключены и что обязательство следовать прописанному курсу

лечения в некоторой степени формирует его жизнь. Если мы на минуту представим агента, который привержен одному принципу и должен принять одно решение, то задача практического суждения не будет особенно сложной: любое действие, которое не нарушает этот единственный принцип, окажется приемлемым. Практическое суждение всего лишь удостоверяет совместимость действия с соответствующим принципом.

Трудности возникают из-за того, что в практическом суждении, конечно же, никогда не выносятся решения, соответствующего лишь одному принципу. Люди всегда вынуждены формировать свои действия на фоне приверженности многим принципам, из которых, вероятно, лишь немногие будут этическими. Серьезнейшая угроза этике принципов возникает не из-за того, что принципы «слишком абстрактны» или являются «слишком косными», а из-за того, что жизнь полна потенциальных конфликтов между разными принципами, в том числе и между этическими. Существует бесчисленное множество хорошо известных примеров конфликтов между этическими принципами: чтобы спасти друга от убийства, необходимо солгать (пример Канта); для спасения жизни необходимо похитить доктора (пример Милля); чтобы накормить голодных, необходимо нарушить правило Субботы (пример Христа). Существует также огромное количество примеров конфликтов между этическими и другими практическими принципами: конфликты между потребностями в медицинском обслуживании и больничным бюджетом, между гражданскими свободами и нуждами здравоохранения, между качеством жизни пациентов и качеством жизни тех, кто заботится о них, между профессиональными обязанностями и личными планами.

В действительности конфликты могут возникать даже в силу множественности значений одного и того же практического требования, которое, думается, может предписывать два взаимоисключающих действия. В так называемых буридановых моральных дилеммах, агенты поставлены перед выбором между выполнением практически одинаковых этических требований. В качестве примера можно привести требование спасти одного из двух тонущих близнецов, когда обоим спасти невозможно¹⁸. По-видимому, если «должен» предполагает «можешь», а здесь невозможно справиться со спасением обоих, и эти случаи не отличаются друг от друга, то нельзя считать, что в обязанность вменяется спасение обоих; но раз (гипотетически) они неотли-

чимы, то и *ни одно* спасение не является обязательным. Другие, в частности Бернард Вильямс, обсуждали примеры конфликтов между обязанностями, которые нельзя в точности считать буридановыми дилеммами, поскольку два несовместимых действия, при том, что соответствуют одному принципу, значительно различаются. Например, дилемма, порожденная выбором между спасением тонущей жены и спасением тонущего незнакомца при условии невозможности одновременного спасения обоих. Вильямс заключает, что любая ориентированная на принципы и обязанности этика ущербна: она заставляет агентов быть неумолимо беспристрастными, требует отказываться от личных привязанностей и жизненных проектов. Похоже, такая этика не разрешает между спасением жены и спасением незнакомца выбрать первое¹⁹.

В этих примерах речь не идет о тех ситуациях, в которых принципы по *самой своей природе* не могут быть осуществлены одновременно. В таких ситуациях определенные типы действия, линии поведения или образы жизни всегда будут несовместимыми. Мы можем представить себе такое, и единственное заключение в отношении этих ситуаций состоит в том, что приверженность обеим (или всем) группам принципов, не совместимым по своей природе, будет выражением непоследовательности. Никто не может одновременно взять на себя обязательства пожертвовать всеми мирскими благами и разбогатеть; никто не может считать для себя обязательным быть открытым и скрытым со всеми; никто не станет посвящать свою жизнь фундаментальным медицинским исследованиям и службе в закрытом религиозном ордене. Никто не может принимать взаимоисключающие по своей природе принципы или правила.

Значимые, с практической точки зрения, и достаточно распространенные случаи конфликтов между принципами имеют место не тогда, когда принципы по самой своей природе несовместимы, а тогда, когда они оказываются случайно несовместимыми в *конкретной ситуации*. Такого рода дилеммы составляют предмет огромного количества работ по биоэтике. Например, в случае дорожного происшествия в Соединенных Штатах благоразумный, обязанный помогать другим в несчастье человек может обнаружить, что благоразумие и обязанность помогать находятся в отношении конфликта, поскольку вмешательство может вовлечь его в судебное разбирательство. Данный пример здесь иллюстрирует бесчисленное множество других конфликтов, мно

гие из которых не могут быть разрешены посредством последовательного осуществления принципов во времени (совершение А, потом совершение Б). Свидетельствует ли очевидная и вполне реальная вероятность случайных конфликтов между принципами о бессмысленности или бесполезности практических и в особенности этических принципов? Поскольку возникновение случайных конфликтов между практическими принципами вполне вероятно, формирование практического суждения²⁰ оказывается, несомненно, трудной задачей. Однако я не думаю, что возможность случайного конфликта доказывает бессмысленность самой идеи приверженности практическим принципам.

Практическое суждение о множестве принципов

Обычно всякая задача обдумывания предполагает множество обязательств людей, их принципов и целей. Первая часть задачи состоит в выяснении того, существуют ли способы действия, которые отвечали бы требованиям всех значимых принципов (и не затрудняли бы достижение целей), а также позволили бы избежать (морального) конфликта и (моральной) несостоятельности. Многие из зарождающихся конфликтов могут быть разрешены либо посредством более подходящего распределения действий во времени, либо посредством отказа от действий или планов, которые хоть и приемлемы, но не являются необходимыми. Однако другие конфликты не могут быть разрешены таким образом. В частности, крайне сложным может оказаться разрешение конфликтов между этическими и другими принципами-требованиями.

Все же необходимо сказать и о том, как решается эта задача, иначе процесс практического суждения останется для нас тайной. Понятно, что мы не можем рассчитывать на получение исчерпывающего объяснения всех необходимых шагов: это было бы возможно, если бы существовал исчерпывающий набор правил для такого рассуждения. При отсутствии практического алгоритма, в ходе практического рассуждения всего лишь стремятся установить *некоторое* действие или модель действия, отвечающие некоторым требованиям данного случая. Во многих случаях приверженность множеству принципов, устанавливающих требования, порождает вполне разрешимую проблему. Данная задача во многом аналогична решению проблемы проек

тирования. При строительстве больницы необходимо соблюдать множество ограничений. Больница должна быть построена из пригодных и доступных по цене материалов; она должна предоставлять кров и обеспечивать изоляцию, в ней должен поддерживаться определенный климат и должны удовлетворяться потребности раненых пациентов; потребление энергии и другие текущие издержки должны быть приемлемыми; технические службы должны быть компетентными; необходимо соблюдать требования местных властей к строительству зданий; проект должен быть выполнен в рамках бюджета. Эти проектные и финансовые критерии составляют комплекс ограничений и стандартов, которые полностью соблюсти невозможно и которые вообще или в основном не могут компенсировать друг друга: больница, которая недостаточно изолирована или протекает, не будет отвечать требованиям, даже если затраченные на нее средства вполне приемлемы. И тем не менее можно строить больницы, удовлетворяющие всем этим требованиям.

Практическое суждение также решает задачу поиска некоторого действия, модели действия или линии поведения, которые удовлетворяют множеству требований и рекомендаций разнообразных видов. Вряд ли правильно думать, что практическое суждение решает задачу «уравновешивания» различных принципов или различных обязанностей, как бы они ни трактовались. Часто умение жить в соответствии с одним требованием не может компенсировать неспособности выполнить другое. Умение добиваться информированного согласия пациентов на лечение не компенсирует низкого качества ухода за ними. Высокий процент успешности хирургических операций не компенсирует неспособности добиться согласия пациента. Трудность в практическом суждении, связанная с тем, что практическое суждение должно удовлетворять множеству сталкивающихся в конкретной ситуации требований, нельзя преодолеть мечтанием о существовании некоторой размерности в уравновешивании и чередовании различных видов требований. Практическое суждение скорее решает задачу, как жить в соответствии с множеством принципов, нежели как отмахнуться от этой множественности. Хотя не существует алгоритма практического суждения, все же практическое суждение может быть лучшим или худшим, оно может совершенствоваться или ухудшаться. Люди, неспособные соблюдать требования или определять ясные, удовлетворяющие всем требованиям образы действия, не проявляют способности к хорошему практическому суждению.

Суждение, конфликты и напоминания

Очевидно, что практическое суждение всегда сопряжено с трудностями и не всегда оказывается в полной мере успешным. И тем не менее в ситуации трудноразрешимого, но случайного конфликта возможно сделать больше, чем может показаться на первый взгляд. Я очень коротко выскажу свое мнение о двух стратегиях отношения к трудноразрешимому конфликту между этическими и другими требованиями.

Первая стратегия — это стратегия заблаговременного прогнозирования конфликта и уклонения от него. Мы достаточно знаем о том, какие обстоятельства скорее всего спровоцируют столкновение требований. Медицинская практика, при которой на прием постоянно вызывают больше пациентов, чем могут осмотреть; пациентка, которая тайно обращается за помощью к двум врачам; исследователь-медик, чьи научные интересы приходят в противоречие с заботой о пациенте, — все это приводит к ситуациям, в которых агенты скорее всего понимают, что следуют принципам, которые невозможно соблюсти одновременно, и при этом они, конечно, осознают, что имеют дело с трудностями в практическом суждении. Предотвращению многих из этих проблем в значительной мере могут содействовать предусмотрительность, забота и необходимые институциональные структуры. Создание, реформирование и регулирование институтов, практик, образов жизни и черт характера могут ослабить и предотвратить случайные конфликты между принципами и сделать практическое суждение более действенным²¹.

Излишне говорить, что предусмотрительность и реформирование не безграничны. Часто мы оказываемся в ситуациях, когда невозможно действовать так, чтобы все требования были удовлетворены, а включенные в ситуацию люди не могут предвидеть конфликта и предотвратить что-то, что бы могло его предотвратить. Самые крайние, часто порождающие проблему «грязных рук» ситуации характеризуются тем, что сами институты и практики здесь основаны на разного рода неприемлемых принципах, институтах и действиях. Даже когда мы не сталкиваемся с такого рода крайними ситуациями, мы действуем на фоне определенных конфигураций институтов и практик, обычаев и традиций, достоинств и недостатков, мастерства и некомпетентности, сильных и слабых сторон, — все это может по-разному способствовать или препятствовать попыткам жить в соответствии одновременно с множеством принципов. Игнорирование этого в повседневном рассуждении о деятельности часто ведет к

